

шолтфа

М.Ю.Кречетова, Г.А.Сатаров
ВЛАСТЬ И НАСИЛИЕ
Случай России

Ключевые слова: политическая власть, легитимное насилие, нелегитимное насилие, Россия

¹ Каспэ 2014.

Данная статья продолжает тему (если трактовать ее достаточно широко), поднятую в прошлогодней статье Святослава Каспэ¹ в той ее части, которая касается насилия, осуществляемого властью. Обращение к этой теме обусловлено рядом недавних событий и сдвигов в политической и общественной жизни России. Вкратце эти события таковы. Россия вступила в гибридную войну с Украиной. Жертвы есть с обеих сторон, и жертвы значительные. Под давлением санкций и финансово-экономического кризиса российское руководство было вынуждено пойти на свертывание военных действий на востоке Украины, но подключилось к вооруженному противостоянию в Сирии. Эта ситуация отягощается все более частыми публичными апелляциями России к своему статусу ядерной державы.

Внутренняя жизнь России тоже не дает поводов для оптимизма. Власть, напуганная массовыми протестами 2011—2012 гг., еще пару лет назад вступила на путь «юридического Тяньаньмэня» и фактического подавления любых форм несогласия. Эта стратегия проводится все более активно, и пока не совсем ясно, есть ли и где находится та граница, та переломная точка, в которой может быть совершен переход к масштабному физическому насилию. Важно, что и в случае агрессии и насилия, осуществляемых за пределами страны, и в случае потенциально-го насилия внутри страны речь идет об одной и той же доминирующей причине — страхе потерять власть.

Показательно, что некое предчувствие насилия витает в воздухе, парадоксальным образом сочетаясь с необыкновенно высоким уровнем поддержки власти (по данным стандартных опросов). В исследовании октября 2014 г. Фонд «Общественное мнение» попытался выяснить отношение россиян к массовым репрессиям. Респондентам, в частности, был задан вопрос: «Как вы думаете, могут ли при вашей жизни повториться массовые политические репрессии в нашей стране? И если да, то вероятность повтора таких репрессий велика или мала?». Только каждый пятый респондент ответил, что репрессии не повторятся, тогда как 48% (почти половина) допустили повторение массовых репрессий с высокой или малой степенью вероятности². И дело тут не в степени уверенности, а в том, что люди в принципе не исключают подобной перспективы. Трудно себе представить аналогичные результаты в современной ФРГ в рамках опроса, могут ли возродиться в Германии

² <http://fom.ru/posts/11786>.

концентрационные лагеря, а если могут, то с какой степенью вероятности. А ведь европейская история не знала и не знает более чудовищного зла, чем Холокост или ГУЛАГ. И не факт, что Холокост стоит здесь на первом месте, хотя в академической литературе именно он выступает классическим примером радикального зла. Мы близки к тому, чтобы солидаризироваться с Мариэттой Чудаковой, заметившей в одном из своих публичных выступлений, что «Сталин хуже Гитлера: Гитлер убивал чужих, Сталин — своих». Возвращаясь к результатам опроса, мы вынуждены констатировать ненормальность такого состояния общества, когда люди допускают повторение беспрецедентного зла с большей или меньшей степенью вероятности — и при этом истово поддерживают власть.

Репрессии, о которых шла речь выше, суть разновидность физического насилия, осуществляемого властью по отношению к населению. Страх перед ним, фиксация которого в опросах — лишь верхушка айсберга, является индикатором определенного тренда в развитии российского политического режима. Поэтому мы попытаемся оценить его актуальность. Забегая вперед, до разъяснения используемых терминов и понятий, мы сформулируем свою задачу так: *оценить угрозу использования российской властью массового физического насилия, проанализировав предпосылки реализации этой угрозы и те ограничения, с которыми может столкнуться политическое руководство, если намерение перейти к подобным мерам у него возникнет*. В наши планы не входит построение новой теории, описывающей взаимоотношения насилия и власти. Мы собираемся задействовать, слегка модифицируя, существующие теоретические представления, чтобы решить поставленную прикладную задачу. Конечно, даже при таком сужении затронутая нами проблема требует проработки, заведомо невозможной в рамках одной статьи. Поэтому мы заранее просим читателей простить нам некоторую конспективность изложения. По той же причине мы лишаем себя удовольствия представить обстоятельный обзор литературы по проблеме, ограничившись только наиболее нужными нам ссылками.

Если обобщить различные виды результатов, достигаемых политической властью с помощью разнообразных инструментов насилия, то можно констатировать: базовая задача власти — ограничение степеней свободы (в общенаучном смысле этого слова) членов общества. Или слегка по-другому: власть уменьшает число потенциально доступных членам общества вариантов поведения, сужает пространство выбора, пространство возможностей. Более того, в некоторых случаях власть ограничивает и навязывает не только поведение, но также убеждения и даже пристрастия.

Понятия и термины

Гуманитарные науки неизбежно задействуют слова из обыденного языка. Это особенно бросается в глаза, когда предметом исследования оказывается сфера политики. Поэтому нам представляется полезным

специально остановиться на используемой терминологии, что позволит, помимо прочего, внятнм образом изложить план статьи, выдающий наши исследовательские намерения, и итоги наших изысканий.

В настоящей статье термин «власть» употребляется в значении *политическая власть*, то есть власть, осуществляемая от имени государства и силами его институтов. Просим обратить внимание, что и в этом случае термин «власть» может использоваться в двух смыслах: *власть как организация* или группа индивидов, реализующих властные полномочия, и *власть как некоторый абстрактный ресурс*. Мы будем уточнять смысл словоупотребления каждый раз, когда он не будет достаточно ясен из контекста.

Касаясь категории насилия, мы считаем целесообразным различать три его аспекта: (1) *источник насилия* (кто его осуществляет), (2) *жертва насилия* (на кого оно направлено) и (3) *виды насилия*. Используя ниже термин «насилие», мы всегда будем иметь в виду *политическое насилие*, то есть насилие, *исходящее от власти и направленное на общество*. Наконец, мы сконцентрируемся на *разнообразии видов насилия*. Мы намерены изучить *динамику применения различных видов и методов насилия* по мере эволюции политического режима в России, предполагая, что, разобравшись в этой динамике, мы сможем решить сформулированную выше исследовательскую задачу.

Власть как ресурс применяется властью как организацией в качестве инструмента для решения ее задач. Говоря достаточно обобщенно, нормальное функционирование политической власти подразумевает прежде всего формирование и поддержание той части социального порядка, которая обеспечивает безопасное сосуществование людей. Это означает, что поведение и взаимодействие людей должны подчиняться определенным нормам, принимаемым подавляющим большинством. Для достижения этого в некоторых случаях власть (как организация) должна прибегать к принуждению — тому, что Макс Вебер называл легитимным насилием.

Нам важно будет различать *легитимное* и *легальное* насилие. Легальное насилие мы будем трактовать как насилие, осуществляемое институтами принуждения в рамках действующих законов. Теперь мы можем еще раз сузить нашу задачу: *мы будем анализировать главным образом нелегитимное политическое насилие*. Нелегитимность насилия имеет как формальные, так и неформальные аспекты. Насилие может выходить за сферу легального, но оставаться легитимным в глазах населения. Насилие может быть легальным, но восприниматься населением как немотивированное и/или излишнее, что превращает его в нелегитимное.

Существует немало классификаций видов политического насилия. Так или иначе, большинство из них основано на разнообразии полномочий, которые передаются власти. В предлагаемый ниже перечень видов насилия мы включили только те из них, которые ранее рассматривались в литературе и которые связаны с ясной группой полномочий

(или с полномочиями в определенных сферах государственного регулирования).

Физическое насилие как нанесение ущерба жизни, здоровью, свободе или собственности людей — всего лишь одна из форм насилия, причем крайняя. Этой форме близка другая — *запугивание* или угроза физического насилия (короче — шантаж). Именно про нее пишет Никлас Луман: «...насилие может осуществляться посредством демонстрации впечатляющей силы, провоцировать которую было бы безумием»³. В целях запугивания часто используется демонстративное локальное физическое насилие. Примеры: применение смертной казни для борьбы с преступностью; атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Действия китайских властей на площади Тяньаньмэнь и российских властей во время разрешенной манифестации 6 мая 2012 г. и в ходе последовавших затем следствия и судебных процессов — типичные случаи насилия, выполняющего функцию запугивания. *Шантаж* (запугивание) не обязательно предусматривает широкое применение насилия в крайней форме. Главное — создать ощущение реальной угрозы насилия. На взаимном шантаже была построена, в частности, стратегия ядерного сдерживания эпохи холодной войны. Успешное запугивание избавляет власть от необходимости прибегать к массовому физическому насилию.

Экономическое насилие — это вмешательство политической власти в отношения прав собственности и ограничение властными решениями автономии свободной хозяйственной деятельности. Вся экономика СССР строилась на легальном экономическом насилие, что в конечном итоге привело ее к краху. Уместно напомнить, что еще до возникновения СССР был создан яркий прецедент легального экономического насилия — стратегия «государства-фабрики», плановой мобилизационной экономики (которую позже заимствовали большевики), придуманная и реализованная Вальтером Ратенау в Германии во время Первой мировой войны — и завершившаяся гигантской финансовой катастрофой⁴. Россия сейчас являет собой пример тотального нелегитимного экономического насилия. Одно из многих частных следствий — масштабное бегство из страны капиталов и предпринимателей. В 2014 г. бегство капиталов достигло исторического максимума в 150 млрд. долларов⁵.

Институциональное насилие осуществляется через нормативную деятельность власти. Известный исторический пример легального институционального насилия с хорошо изученными последствиями — законы фашистской Германии⁶. Законодательная деятельность последних трех лет в России — классический образец легального институционального насилия. Разрушение института политической конкуренции в России, по сути, уничтожило механизмы внутреннего и внешнего контроля над законодательной деятельностью, результаты которой все чаще выходят за сферу права, в том числе потому, что противоречат Конституции. В итоге институциональное насилие, оставаясь легальным, становится антиправовым. Институциональное насилие открывает возможности

³ Луман 2001: 104.

⁴ Скотт 2005: 162 и далее.

⁵ Гурвич 2015.

⁶ Достаточно вспомнить, с чего начиналось: 1933 г. — Закон о защите народа и государства; 1934 г. — Нюрнбергские расовые законы, направленные против евреев.

для использования других видов насилия, в частности экономического. Типичный для России пример: создание и, главное, реальная деятельность госкорпораций. Другой пример: криминализация российским законодательством малосущественных экономических нарушений.

Кроме того, институциональное насилие создает условия для появления дополнительных видов насилия, редко рассматриваемых в академических исследованиях. Мы не будем вводить новые термины, а лишь укажем на специфические сферы применения политического насилия в России: ограничение и подавление политической конкуренции; ограничение и подавление деятельности независимых общественных организаций; ограничение и подавление иных прав и свобод (например, права на проведение митингов и шествий). Равным образом это касается и следующего важного вида политического насилия.

В некотором смысле *информационное насилие* — самый важный вид политического насилия⁷. Дело не только в том, что информационное насилие обычно используется для легитимации других видов насилия. Вспомним, что политическая власть призвана формировать институты и обеспечивать их стабильность и эффективность. В своей последней книге, написанной в соавторстве с Джоном Уоллисом и Барри Вайнгатом, Дуглас Норт предлагает мыслить институт как сочетание трех компонентов, в число которых, наряду с формальными нормами и неформальными практиками, входят «разделяемые убеждения о мире»⁸. Убежденность людей в разумности и легитимности институтов повышает эффективность их функционирования, поскольку (как минимум) снижает издержки власти на принуждение к соблюдению предписываемых правил. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что любая политическая власть (как организация) в той или иной форме и степени пытается влиять на убеждения людей. Не случайно среди разных определений и функциональных описаний власти (как ресурса) часто фигурирует *возможность навязывать другим свои (в смысле — нужные носителю власти) представления о сущем и должном*⁹. Эта мысль весьма распространена. Мы сошлемся на Филиппа Бенетона¹⁰, который, в частности, связывает данное свойство политической власти с появлением идеологии как социокультурного явления и использованием ее тоталитарными режимами¹¹.

Мы не можем игнорировать и такое обстоятельство, как различие *масштабов политического насилия*. Так, достаточно отчетливо осознается разница в масштабах между массовыми репрессиями сталинских времен и преследованиями инакомыслящих при Леониде Брежневем. Рассматривая динамику политического насилия в течение последних 15 лет, легко заметить, что все перечисленные виды насилия присутствовали уже в начале периода. Поэтому было бы ошибкой думать, что один вид предшествует другому. Мы исходим из другого предположения: о наличии преемственности в *динамике масштаба* того или иного вида политического насилия. Ниже мы будем оперировать следующими терминами: *эпизодическое насилие* — отдельные изолированные случаи

⁷ Об этом же пишет Каспэ: «Политическая власть — лишь во вторую очередь власть принуждения, насилия и смерти. В первую очередь это власть нормативной символизации» (Каспэ 2014: 22).

⁸ Норт, Уоллис, Вайнгат 2011: 59.

⁹ Конечно, это касается не только политической власти.

¹⁰ Бенетон 2002.

¹¹ Впрочем, существует и иная точка зрения на навязывание убеждений властью. Но мы вернемся к этому чуть ниже.

насилия по отношению к отдельным персонам; *селективное насилие* — насилие, направленное на определенные категории граждан; *массовое насилие* — жертвой может стать любой.

Наконец, нам понадобятся еще два понятия. Первое — *условия для расширения политического насилия*; второе — *ограничители для расширения политического насилия*. Очевидно, что такие условия и ограничители могут носить общий характер, проистекающий из самой природы политического насилия, а могут определяться специфическими особенностями конкретных стран в конкретные периоды времени. Решение поставленной выше исследовательской задачи обязывает нас коснуться обоих указанных аспектов того и другого.

Дальше наша статья будет строиться следующим образом. Прежде всего мы остановимся на базовых условиях роста политического насилия (к каковым, на наш взгляд, относятся *политическая рента и слабость власти*). Вслед за этим мы обратимся к анализу *динамики политического насилия* в России, параллельно рассмотрев специфические условия расширения насилия в нашей стране. Затем, опираясь на идеи Ханны Арендт, мы коснемся морфологии физического политического насилия через описание его спусковых крючков и ограничителей. В заключительном разделе мы попробуем, суммируя результаты нашего исследования, сформулировать ответы на вопросы, поставленные в начале статьи.

¹² Норт, Вайнгаст, Уоллис 2011: 84.

Политическая рента и слабость власти

Согласно концепции авторов, «порядок ограниченного доступа — это не особый набор политических, экономических или религиозных институтов. Это фундаментальный способ организации общества» (Там же). Не случайно в приводимом авторами перечне примеров «естественных государств», наряду с путинской Россией, фигурируют Месопотамия III тысячелетия до н.э. и Англия времен Тюдоров. Кстати, на английском языке книга вышла в 2009 г.

Категории ренты и насилия активно используются в новом подходе к описанию политической институциональной динамики в упомянутой выше книге Норта, Уоллиса и Вайнгаста. Эта книга интересна для нас в том числе тем, что современная Россия представлена в ней как типичный пример «естественного государства» с социальным порядком ограниченного доступа. В подобного рода государствах, подчеркивают авторы, насилие контролирует правящая коалиция, которая направляет часть присвоенной ею ренты на поддержание социального порядка. Другой отличительной чертой «естественных государств» является контроль правящей коалиции над созданием и деятельностью организаций. Все это полностью отражает ситуацию в нынешней России, что и заставляет авторов соответствующим образом квалифицировать установленный в ней режим¹².

В книге Норта, Уоллиса и Вайнгаста речь идет прежде всего о природной ренте. Но мы хотели бы коснуться другой ее разновидности — *ренты политической*. Суть в том, что совокупность индивидов, находящихся под защитой той или иной власти, обычно бывает готова наделять ее излишком прав и ресурсов, дабы избежать пусть маловероятных, но болезненных угроз. Это неизбежно порождает политическую ренту. Очевидно, что тут есть много общего с понятием ренты, рассматриваемым экономистами.

Яркой иллюстрацией данного тезиса является реакция американского общественного мнения на террористическую атаку на Всемирный

торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон 11 сентября 2001 г. Жертвами беспрецедентной террористической акции стали 2977 человек. В ответ США, помимо разнообразных мер против терроризма за пределами страны, осуществили крупнейшую в своей истории реорганизацию спецслужб на основании Акта о национальной безопасности, а также приняли Патриотический акт, кардинальным образом расширивший возможности спецслужб по контролю и преследованию всех попавших в их поле зрения¹³. В 2002 г. почти половина американцев была согласна смириться с ограничением своих прав и свобод в обмен на снижение риска террористической угрозы на территории США¹⁴.

¹³ Этот Акт утратил силу только в 2015 г.

¹⁴ <http://vz.ru/news/2015/6/11/750391.html>.

Мы вправе трактовать эту ситуацию как готовность существенной части американского общества предоставить государству дополнительные полномочия, чтобы обезопасить себя от терроризма. Но следует понимать, что дело здесь не только в стремлении защититься от угрозы, чреватой гибелью отдельных жителей страны. Число жертв «теракта 9/11» примерно в 15 раз меньше, чем число погибших в тот же год на дорогах. Огромное значение имеет символическая составляющая террористического насилия. С точки зрения обыденного сознания, это насилие не просто несет смерть обычным гражданам. Оно неожиданное, немотивированное, от него трудно защититься. Кроме того, это насилие извне, со стороны чужой и малопонятной силы, которая таким образом пытается принудить граждан и страну делать нечто им несвойственное. Чтобы осознать важность этой символической составляющей, достаточно провести следующий мысленный эксперимент. Одобрил бы Конгресс США Патриотический акт как средство сократить смертность на дорогах? И проголосовали бы граждане США на выборах за конгрессменов, поддержавших ранее подобный акт на подобном основании? Исклучено — как то, так и другое.

Пример с «терактом 9/11» был разобран достаточно подробно, поскольку у него есть прямой аналог в новейшей истории России. Речь идет о трагедии, произошедшей 1 сентября 2004 г. в Беслане. В тот день чеченские террористы захватили 1128 мирных жителей, большинство которых составляли дети. Штурм, предпринятый силовыми структурами России 3 сентября, привел к гибели 314 человек, в том числе 186 детей. Через неделю президент Владимир Путин объявил о комплексе мер, призванных уменьшить террористическую угрозу. Характерно, однако, что весомое место в этом комплексе занимали меры, направленные на расширение политической ренты. Выборы руководителей исполнительной власти субъектов Федерации были заменены назначением (de facto) президентом. В дополнение к этому президент получил право снимать губернаторов, к которым «утратил доверие», и распускать региональные парламенты. В избирательное законодательство были внесены изменения, включая отмену выборов по мажоритарным округам, уменьшавшие подконтрольность избираемых избирателям и резко повышавшие барьеры для входа на политический рынок. В качестве единственной «компенсации» этих рестриктивных мер была учреждена

Общественная палата Российской Федерации, относительно эффективности которой не питает иллюзий, кажется, никто.

Ясно, что политическая рента создает условия для оппортунистического поведения представителей политической власти. Именно это и тревожило заметную часть американского общества. В России же данное обстоятельство волновало немногих. Не менее важно, что предшествующие усилия российской власти в сфере информационного насилия лишили этих немногих возможности донести свою обеспокоенность до остальных граждан. Поэтому в дальнейшем дополнительная политическая рента способствовала наращиванию контроля власти над другими рентами.

Приведенные соображения иллюстрируют некоторые высказанные ранее тезисы. Во-первых, не всякое легальное насилие, осуществляемое властью, рассматривается гражданами как легитимное. Во-вторых, отношение общества к политическому насилию определяется не только его методами и масштабами, а также характером угроз, но и отношением к источнику насилия, причинам, мотивам и потенциальным последствиям его применения. В-третьих, возможности рентоориентированного поведения, направленного на эксплуатацию политической ренты, зависят от ограничителей, встроенных в политическую систему, что подчеркивается сравнением двух разобранных выше эпизодов. Напомним, что в США Патриотический акт с самого начала вводился на ограниченное время и действовал на условиях регулярного продления. В российском случае таких эксплицитных ограничений не было (хотя некоторые из решений осени 2004 г. и подверглись в дальнейшем модификации или пересмотру).

Итак, политическая власть всегда создает политическую ренту. Отчасти она конвертируется держателями власти в другие виды ренты, отчасти выливается в аномальные формы политического насилия для ограничения тех степеней свободы и тех действий людей, которые самим обществом не рассматриваются как опасные. Механизм зарождения такого поведения агентов власти в общем виде достаточно прост. Он может быть описан через следующую логическую цепочку. Сначала появляется политическая рента, всегда сопутствующая политической власти. Затем возникает оппортунистическое поведение, заключающееся в конвертации политической ренты в ренты иного типа. Появление новых рент и их поддержание сопряжено с перераспределением различных ресурсов в пользу членов правящей коалиции, контролирующей ренты и доступ к ним. Понятно, что правящая коалиция стремится сохранить сложившееся положение вещей. А значит, должны ограничиваться любые действия, угрожающие членам правящей коалиции и подрывающие их способность удерживать контроль над политической рентой и конвертировать ее в другие виды рент.

Такова зависимость между ростом политической ренты и ростом политического насилия. Фактически образуется генератор с положительной обратной связью. Оппортунистическое поведение, вызванное

эксплуатацией политической ренты, требует наращивания политического насилия (в приведенном российском примере — институционального). Необходимость наращивания насилия побуждает искать возможности для увеличения политической ренты (например, посредством информационного насилия и создания образа внешнего или внутреннего врага).

Традиционный подход к описанию взаимодействия власти и насилия сводится к констатации того, что любая власть опирается на насилие (в узком смысле слова) и конституируется им. Эта установка отчетливо выражена, в частности, Вебером: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство»¹⁵. Здесь речь идет о физическом насилии или об угрозе его применения¹⁶.

¹⁵ Вебер 1990: 646.

¹⁶ Ср. также Гоббс 1991; Ленин 1970; Альтюссер 2011.

¹⁷ Арендт 2014.

Нам гораздо ближе точка зрения Арендт¹⁷, которая противопоставляет этому тезису антитезис: власть и физическое насилие противоположны друг другу. В этом с ней солидарен Луман, который тоже отделяет власть от силового принуждения, подчеркивая: «Власть становится более могущественной, если она оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия»¹⁸. Иными словами, сила власти тем больше, чем больше степеней свободы она в состоянии предоставить обществу. Но для Лумана эта тема не основная, тогда как Арендт подробно аргументирует свою позицию. Поэтому мы считаем важным обсудить ее идеи и доводы, приложив их к ситуации в России.

¹⁸ Луман 2001: 18.

Итак, власть прибегает к насилию не от полноты и избытка силы, а только в моменты ослабления, упадка или кризиса. Насилие инструментально, то есть является средством для достижения тех или иных целей, и не может выступать целью само по себе. Но это «последнее» средство — средство, к которому прибегают, когда другие перестают действовать или приносить значимые плоды. Согласно Арендт, власти нет нужды прибегать к насилию, если она пользуется массовой поддержкой.

Мы считаем нужным добавить, что насилие сопряжено с высокими издержками. Это отчетливо видно на примере российского бюджета, в котором одновременно с ростом масштабов применения насилия внутри страны и за ее пределами растут расходы на поддержание и укрепление силовых институтов. Чтобы обеспечить подчинение власти, в легитимность которой верят, требуется гораздо меньше средств.

В современном мире существенное значение имеет договор между властью и обществом, чаще всего неформальный (по умолчанию). Такой договор может быть основан на приверженности конституционным ценностям, включая верховенство права. В России же середины «нулевых» его суть составляла «стабильность в обмен на политические права»¹⁹. (То есть власть обещала стабильность, в ответ предлагая гражданам смириться с сокращением политических прав. Граждане в целом

¹⁹ Аузан и др. (сост.) 2010: 153.

не возражали, что нередко бывает в постреволюционные периоды.) После финансово-экономического кризиса конца первого десятилетия XXI в. этот договор стал рушиться, а затем подвергся еще одной трансформации в результате «крымской кампании» и изменения общественных настроений. По мнению Александра Аузана, новая формула выглядит так: «Величие в обмен на самоограничение»²⁰. Мы не уверены, что договор состоялся, хотя власть уже начала педалировать тему величия в связи с территориальной экспансией. Для наших сомнений есть как минимум три причины. Во-первых, готовность к самоограничению на данный момент не верифицирована. Во-вторых, она и не могла быть верифицирована, поскольку у населения только сейчас возникают поводы ее продемонстрировать. В-третьих, ощущение нового величия как доминирующее настроение граждан едва ли является надежным, поскольку оно индуцировано массивной пропагандой. Поэтому мы считаем весьма вероятным, что при сохранении действующих тенденций новый договор не состоится. Но тогда шанс на расширение масштабов физического насилия как инструмента сохранения власти возрастет.

²⁰ Бабаева 2014.

Внимательный наблюдатель может усмотреть противоречие между приведенным выше тезисом Арндт и нынешней ситуацией в России. Ведь эта ситуация характеризуется, с одной стороны, высокой поддержкой власти (согласно социологическим опросам), а с другой стороны, явно возросшим уровнем насилия, по крайней мере в отношении Украины и «несогласных» внутри страны. Противоречие легко снимается, если мы принимаем трактовку политического насилия, предлагаемую в этой статье, и включаем в рассмотрение категорию информационного насилия.

Кроме того, на получаемых с помощью стандартных опросных процедур данных о поддержке власти неизбежно отражается аномальное состояние общественного сознания в России. Простые рутинные средства изучения общественного мнения работают тогда, когда на протяжении достаточно длительного времени существуют свободная конкуренция точек зрения и свободный и равный доступ к таковым. Ни того, ни другого в России нет. Как показывают исследования, в подобных условиях выражение общественного мнения в опросах серьезно искажается, и, соответственно, опросы не дают адекватного представления о нем²¹.

²¹ <http://www.indem.ru/Proj/ODoverii.pdf>.

Интересно отметить, что слабость власти подталкивает ее к информационному насилию. На это указывает, в частности, Эрнест Геллнер: «Диктатуры навязывают обществу свое мировоззрение не столько в силу трусливой готовности подданных к подчинению, сколько благодаря логической несостоятельности имеющейся рациональной аргументации. Власти занимаются в значительной степени не искажением фактов, а заполнением вакуума, возникающего в результате их собственной слабости»²². Еще резче высказывается Бенетон, использующий для квалификации коммунистических режимов термин «навязанное царство лжи»²³, — и нет оснований считать, что так может быть описан только и исключительно коммунизм.

²² Геллнер 2004: 160.

²³ Бенетон 2002: 237.

Важно подчеркнуть, что имеется связь между эксплуатацией политической ренты (как она была описана выше) и слабостью власти. Рентоориентированное поведение правящих кругов всегда сопряжено с коррупцией, а та, со своей стороны, является следствием неэффективности власти в осуществлении ее официальных публичных функций. Падение эффективности власти, помимо прочего, находит отражение во все больших затруднениях с реализацией различного рода обязательств государства, включая социальные, что чревато нарастанием социального и политического недовольства. При отсутствии политической конкуренции и возможностей легальной и «бескровной» смены власти в результате выборов неизбежным становится рост политического насилия, что, в свою очередь (см. выше), требует наращивания политической ренты...

Динамика политического насилия в России

Как отмечалось в начале статьи, политическое насилие применяется властью для ограничения степеней свободы граждан и других негосударственных агентов, которые рассматриваются правящей коалицией как носители автономии, источники самостоятельной, независимой, спонтанной активности, составляющей конкуренцию власти в различных сферах. Легко увидеть, что *ограничение* степеней свободы таких агентов началось сразу после победы Путина на президентских выборах в марте 2000 г. Но хотя усилия предпринимались по всем направлениям, рассмотренным выше, уменьшение степеней свободы на первых порах сводилось преимущественно к созданию своеобразных «коридоров», в рамках которых автономия сохранялась. Иными словами, насилие было направлено на сужение, а не на уничтожение автономности. Вот неполный перечень некоторых шагов власти.

2000 г. — создание федеральных округов и института полномочных представителей президента, то есть не упоминающихся в Конституции властных инстанций, призванных осуществлять контроль над региональными элитами.

2000 г. — «равноудаление олигархов». С мая началась серия уголовных преследований крупных бизнесменов. Всерьез никто не пострадал, однако владелец НТВ Владимир Гусинский покинул Россию. Спустя некоторое время его канал был поставлен под полный контроль Кремля. То же самое произошло с Борисом Березовским и каналом ОРТ. Остальные «олигархи» приняли неформальные условия Путина, главное из которых — отказ от независимой от Кремля политической активности.

2001 г. — изменение порядка комплектования Совета Федерации. Вместо избранных в регионах губернаторов и глав законодательных собраний верхняя палата стала комплектоваться из кандидатов, предложенных президентом.

2001 г. — смена руководства государственной корпорации «Газпром». Ее возглавил ставленник Путина.

2001 г. — образование партии «Единая Россия» путем объединения партий «Единство», «Отечество» и «Вся Россия».

2002 г. — заключение в Государственной Думе нового межфракционного соглашения, обеспечившего фракции «Единой России» полный контроль над нижней палатой Федерального Собрания.

К 2003 г. цена на нефть выросла в два раза по сравнению с драматическим 1998 г. Рост углеводородной ренты существенно повлиял на коллективные и индивидуальные стратегии членов правящей коалиции, соблазнив их возможностями конвертации политической (и административной) ренты в иные формы рент. Именно в этом году с первого дела ЮКОСа начался захват нефтяной ренты представителями власти (газовая была захвачена раньше). Следует отметить, что в этом конкретном деле мы видим пример сочетания экономического и физического насилия.

²⁴ Сатаров (ред.)
2013: 314.

²⁵ Levin, Satarov
2013.

В промежутке между 2001 и 2005 гг. на порядок вырос годовой объем деловой коррупции в России²⁴. Причем к 2005 г. доходы должностных лиц от деловой коррупции превысили доходы страны от продажи углеводородов, несмотря на повышение их цены на мировых рынках²⁵. По сравнению с 1990-ми годами коррупция изменилась и качественно. Раньше она была разновидностью рынка теневых административных и политических услуг. Обязательства в целом выполнялись. Не исключалась защита от административного давления и вымогательства в судах и ведомствах исполнительной власти. Первое пятилетие нового века породило новый вид коррупции — поборы за право продолжать бизнес (административный рэкет). Получить взятку и не исполнить обещанного стало чуть ли не нормой. Возможность найти защиту у другого силового оператора почти исчезла — из-за круговой поруки различных ветвей и органов власти всех уровней. Если в 1990-х годах предприниматели шли в политику, то в начале нового века чиновники и политики пошли в бизнес. Возбуждение уголовных дел против предпринимателей, не желавших отдавать свой бизнес, превратилось в повсеместную практику. К концу второго президентского срока Путина нарастание масштабов этих и подобных им явлений, имевших все признаки экономического насилия, изменило его качество: из эпизодического, быстро миновав стадию селективного, оно трансформировалось в массовое. Судя по всему, в России нового тысячелетия именно *экономическое насилие первым стало массовым*.

Во время президентства Дмитрия Медведева предпринимались попытки снизить уровень экономического насилия, но они не увенчались успехом. Третьему президенту России хватало влияния добиваться принятия поправок к законам. Но он был не в состоянии обеспечить их исполнение. Новый срок Путина ознаменовался участившимся выбором бегства как средства защиты от насилия — если до того бежали капиталы, то теперь началось массовое бегство предпринимателей. Есть основания ожидать, что падение цен на нефть, означающее сокращение рентных доходов членов правящей коалиции, усугубит положение

оставшихся предпринимателей, поскольку чиновники в поисках путей компенсации своих потерь будут, скорее всего, использовать проверенные средства — захват чужого бизнеса.

Установление контроля над СМИ — одна из разновидностей *информационного насилия*. Как уже отмечалось, оно стало практиковаться с первых лет путинского режима, готовя плацдарм для применения информационного насилия к гражданам страны. Следует отметить, что задача установления *тотального* контроля над СМИ никогда не ставилась. Некоторым из них оставлялись «коридоры», в рамках которых они пользовались определенной независимостью. В качестве ключевого инструмента пропагандистского влияния правящая коалиция всегда рассматривала телевидение, вещающее в метровом диапазоне, которое обладало максимальной аудиторией. Но переломить содержание вещания тоже было непросто. До 2004 г. главным объектом воздействия были журналисты, которых приближали и покупали. Затем начали вводить первые ограничительные механизмы — в виде списков персон, которых нельзя было допускать до телевизионного эфира большого охвата.

Параллельно развивались различные пропагандистские инструменты, обеспечивающие сегментированное влияние. Наиболее многочисленной части внутренней аудитории предлагалось простое и легко усваиваемое развлекательное меню²⁶. Применительно к давно сформировавшейся — и меньшей по размеру — аудитории политического вещания постепенно наращивались и совершенствовались практики манипулирования.

Сегментированное пропагандистское влияние уступило место массовому информационному насилию с возвращением Путина на президентский пост. Причина очевидна: всплеск протестной активности заставил членов правящей коалиции усомниться в эффективности «мягких» методов манипулирования. Кроме того, необходимо было купировать риск заражения недовольством властью посредством обыденной коммуникации большинства с меньшинством.

Информационное насилие неотделимо ото лжи. Его задача — заставить подавляющую часть аудитории поверить в истинность предлагаемой властью картины мира. Вследствие существенного разрыва между навязываемой картиной мира и той, что могла бы сформироваться у граждан, будь им доступны разнообразные конкурирующие источники информации, без лжи здесь не обойтись. А поскольку частью альтернативной картины мира является повседневный опыт, в информационном насилии неизбежен сдвиг от замалчиваний, искажений и ложных интерпретаций к полноценной лжи и конструированию искусственных фактов, который мы и наблюдаем в последние годы. *Переход к массовому информационному насилию произошел в начале третьего президентского срока Путина, несколько позднее перехода к массовому экономическому насилию, но независимо от него.*

Как отмечалось выше, в 2001—2002 гг. правящая коалиция установила полный контроль над Советом Федерации и Государственной

²⁶ Согласно Максу Хоркхаймеру и Теодору Адорно, базовая функция развлечения состоит в оглушении, блокировании способности к сопротивлению и тем самым консервации существующего социального порядка: «Быть удовлетворенным означает быть согласным» (Хоркхаймер, Адорно 1997: 181).

Думой. Тем самым были созданы условия для *институционально-го насилия*. На первых порах этот контроль использовался в основном для беспрепятственной реализации программы реформ. Были либерализованы земельные отношения, введена плоская шкала подоходного налога, предприняты другие шаги. С 2003 г. стало применяться сегментированное институциональное насилие. Этот сегмент обозначался не столько сферами законодательства, сколько целью — обеспечением несменяемости власти. В прочих областях продолжалось конкурентное законотворчество. Правда, конкуренция происходила не в стенах Федерального Собрания, а между различными группами влияния в окружении президента. Поэтому, например, в сфере экономического регулирования можно было наблюдать разнонаправленные законодательные инициативы. До 2012 г. институциональное насилие касалось федеративных отношений, местного самоуправления, политической конкуренции (выборы и деятельность партий), судоустройства. Когда после парламентских выборов 2007 г. «Единая Россия» получила в Государственной Думе квалифицированное большинство, были внесены изменения в Конституцию — увеличены сроки, на которые выбираются президент и депутаты Государственной Думы.

В 2012 г. начался переход от сегментированного к массовому институциональному насилию, который к настоящему времени можно считать завершившимся. Особенность нового этапа законотворчества — концентрация законодателей на запретах, ограничениях и предписаниях. Круг субъектов, подвергшихся такому регулированию, весьма широк. Среди них должностные лица, которых обязали перевести свои активы в Россию; общественные организации, которым последовательно отрезали все возможности независимой деятельности; простые граждане, чье поведение регулируется и ограничивается в диапазоне от интимных отношений до критики власти. Данный переход осуществлялся параллельно переходу к массовому информационному насилию, имея общие побудительные причины. Масштабная конвертация держателями власти политической ренты в экономические активы выводила их за пределы легальности. В этих условиях сохранение власти превратилось для правящей коалиции в задачу выживания. К концу 2011 г. это привело режим к кризису легитимности, вылившемуся, в частности, в массовые протесты, которые стали полной неожиданностью для власти и напугали ее представителей. Поэтому весной 2012 г., после возвращения Путина на президентский пост, начался рост разных видов политического насилия.

Эпизодическое физическое политическое насилие с использованием разных инструментов — от заказных убийств и избиений до ограничений свободы посредством имитации легальных процедур — практиковалось с начала нынешнего столетия. Естественно, сейчас трудно установить, что должно служить точкой отсчета. Одни говорят о странной смерти 3 июля 2003 г. депутата и известного журналиста Юрия Щекочихина (он занимался парламентскими и журналистскими

расследованиями коррупции в высшем руководстве ФСБ). Другие считают такой точкой убийство в лифте своего дома 7 октября 2006 г. известной журналистки Анны Политковской. Последним громким политическим убийством стала гибель Бориса Немцова недалеко от стен Кремля 27 февраля 2015 г. Между этими смертями было немало других, не получивших широкого резонанса в России и за ее пределами. В разных городах страны жертвами убийств оказывались журналисты, судьи, правозащитники. Важно подчеркнуть, что заказные политические убийства и избиения не носили, по всей видимости, централизованного характера, а произрастали из природы и политической логики режима, подпитываясь круговой порукой и контролем правящей коалиции над институтами правового принуждения.

Переход к сегментированному физическому насилию осуществлялся в другой сфере — уголовно-процессуальной. Если в конце 1980-х и в 1990-е годы из политического лексикона исчезло понятие «политические заключенные», то с 2003 г. можно говорить о возрождении этой практики: 15 апреля к четырем годам тюрьмы был приговорен основатель Национал-большевистской партии писатель Эдуард Лимонов. Довольно быстро сформировался сегмент постоянного политического преследования: активисты НБП и других левых и националистических организаций. С 2012 г. власть переключила свои усилия на другой сегмент — на активистов и даже случайных участников акций протеста, волна которых началась в декабре 2011 г. В данном случае произошла смычка сегментированного физического политического насилия с массовым институциональным насилием: преследование инакомыслящих поддерживалось принятием законов, ограничивающих применение конституционных форм выражения протеста. И все же на сегодняшний день физическое политическое насилие осталось единственным видом насилия, который еще не стал массовым.

Морфология физического насилия

Чтобы ответить на вопрос о перспективах и потенциальных масштабах применения властями физического насилия, имеет смысл обратиться к его морфологии. И здесь нам поможет цитированная выше работа Арендт, к изложению основных идей которой вместе с нашими комментариями мы сейчас и приступим.

Идея 1. Чем слабее поддержка власти, тем больше соблазна воспользоваться инструментами физического насилия. Но если армия и полиция вдруг не пожелают подчиняться приказам политической власти, даже это «последнее» средство не сработает. То есть ключевым для устойчивости власти фактором является позиция людей, которые эту власть поддерживают или не поддерживают. Если число поддерживающих очень велико, повышается вероятность того, что власть захочет применить физическое насилие, но одновременно возрастает шанс на то, что армия и полиция откажутся исполнять приказы по силовому

разгону протестных акций, массовым задержаниям, арестам, применению оружия и т.п.

Комментарий. Справедливость этого тезиса Арендт подтверждается практикой российской власти. Так, действия полиции и спецслужб 6 мая 2012 г. на Болотной площади были полностью обусловлены падением поддержки властей в лице «Единой России», Путина и Медведева. Чтобы уменьшить риск отказа исполнителей выполнять приказы о насилии в отношении мирных граждан, власти привлекают в Москву специализированные подразделения полиции из других городов и многократно занижают официальные данные о числе митингующих.

Идея 2. Насилие требует определенной конфигурации самой власти. Чужих там быть не должно. Готовность к насилию зависит от уровня однородности и сплоченности людей, находящихся у власти, причем вхождение в правящую группу осуществляется по принципу негативной селекции — совершил ты или нет некое «непоправимое» деяние, которое жестко привязывает тебя к «сообществу насилия» и не позволяет вернуться в «добропорядочное общество».

Комментарий. Тенденция к формированию сплоченной властной коалиции, объединенной общей причастностью к коррупционным преступлениям, прослеживается в России более 10 лет. Вот некоторые подтверждения. Первое: категорическое нежелание российских властей ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, в которой говорится о включении в уголовное право страны такого преступления, как «незаконное обогащение». Второе: повсеместно практикуемое демонстративное потребление, когда российские должностные лица и не думают скрывать, что тот образ жизни, который они ведут, вопиюще противоречит их декларируемым доходам. Третье: абсолютное равнодушие структур, призванных противодействовать коррупции, к публичным разоблачениям подобного противоречия. Впрочем, конфигурирование власти на основе круговой поруки с использованием механизма взаимного сдерживания через возможность разоблачения нелояльных посредством вброса компромата не обеспечивает ее монолитности. Отголоски конфликтов между различными группировками внутри властной коалиции систематически прорываются в публичную сферу. А инструментами оказываются обвинения в коррупции.

Идея 3. Применение или неприменение насилия во многом зависит от состояния общества. Чем больше общество атомизировано, тем выше шанс на обращение власти к экстремальным формам насилия. Вероятность такого поворота событий возрастает по мере ослабления кооперации, доверия, солидарности, достигая пика в ситуации, когда доносчиком может стать каждый. Другое, коррелятивное первому условие: чтобы насилие могло развернуться во всю мощь, «любая форма организованной оппозиции должна исчезнуть»²⁷. Ключевое слово здесь, конечно, «организованная». Речь идет не о приватном недовольстве

²⁷ Арендт 2014: 65.

властью или индивидуальной тактике сопротивления, а именно об организованном противостоянии.

Комментарий. До декабря 2011 г. уровень протестной активности в России был крайне низким, что обуславливалось тремя основными причинами: (1) постреволюционным синдромом усталости от революции и разочарования в ее результатах; (2) повышением уровня жизни населения, вызванным резким ростом цен на углеводороды, что позволило правящей коалиции направить часть природной ренты на поддержание стабильности режима; (3) неразвитостью политической культуры, препятствовавшей консолидации немногочисленной оппозиции.

Идея 4. Предварительным условием обращения власти к насилию является последовательное ограничение прав тех лиц или групп, на которые оно будет направлено. Причем такое ограничение может происходить как через осуществление соответствующих юридических или политических мер, так и через символическое переименование потенциальных жертв.

Комментарий. Стандартный порядок действий здесь известен и неоднократно использовался на практике — от геноцида евреев в фашистской Германии и сталинских репрессий до преследования «недовольных» в России (пока не дошедшего, правда, до финальной стадии). Шаг 1: стигматизация (навешивание социальных ярлыков); шаг 2: пропагандистская кампания против стигматизированной социальной группы и конкретных лиц; шаг 3: ограничения в правах; шаг 4: выборочное насилие; шаг 5: массовое насилие. В современной России движение к четвертой стадии было не только планомерным, но и фронтальным. С 2006 г. власть вела наступление не столько на организованную оппозицию (за отсутствием оной), сколько на автономию правозащитных общественных организаций. Первая попытка стигматизации была предпринята в начале 2006 г., когда правозащитники впервые были клеймены как шпионы²⁸. Тогда эта линия прервалась, но в 2012 г. клеймо было реанимировано. Речь идет о введении в законодательство, регулирующее деятельность НКО, понятия «иностранный агент» и существенном осложнении работы структур, признанных таковыми. Три последующих года ознаменовались репрессиями против наиболее влиятельных общественных организаций. Мало того, несмотря на принятие удобных для власти законов, их применение сопровождалось массовыми нарушениями со стороны правоприменителей.

Параллельно проводились пропагандистские кампании и осуществлялись выборочные репрессии против оппозиции и отдельных лидеров общественных организаций. Для дополнительной стигматизации использовались такие обороты, как «пятая колонна», «нацпредатели», «враги России» и т.п. Нарастание выборочных репрессий шло под предлогом борьбы с «экстремистской деятельностью», «разжиганием социальной вражды» и иных деяниями, описываемыми с помощью

²⁸ В фильме Аркадия Мамонова «Шпионы», показанном 22 января 2006 г. на канале РТР (Россия) (<http://www.youtube.com/watch?v=G5ePL1wDuiQ>). Его обсуждение см. А камень 2006.

расплывчатых квазиправовых категорий. Здесь мы снова видим сцепление физического насилия с институциональным.

Идея 5. Применение насилия нередко бывает связано с переносом в метрополию практик, примененных самой же метрополией в отношении зависимых от нее социально дезорганизованных или архаичных обществ. Недаром некоторые британские интеллектуалы эпохи империи опасались, что насильственные методы из колоний могут быть перенесены на территорию «старой доброй Англии»²⁹. Другой пример — использование для разгона студенческих волнений в Беркли (1964 г.) того же самого слезоточивого газа, что применялся американскими войсками во Вьетнаме. Можно привести и еще один пример. После того как Шарль де Голль сделал деколонизацию важнейшей частью своей политики, в Алжире, где на протяжении долгих лет шла война за независимость, возникла секретная террористическая организация французских военных, пытавшаяся сорвать этот процесс. С провалом этой затеи террор был перенесен во Францию. Из 32 покушений на де Голля почти половина была совершена оасовцами.

Комментарий. Новейшая политическая история России подтверждает и это наблюдение Арендт. То обстоятельство, что через Чечню была пропущена немалая часть сотрудников правоохранительных органов, спустя некоторое время обернулось мощной вспышкой пыток российских граждан по всей территории страны. Эта вспышка до сих пор не подавлена. Нынешняя ситуация на востоке Украины и российское участие в ней создает предпосылки для «варваризации» порядков в самой России. И это уже происходит.

Заключение

Первый вопрос, который требует ответа: насколько был неизбежен тот исторический тренд, который реализуется в России последние 15 лет? Вопрос естественен в силу общих закономерностей постреволюционных периодов, всегда сопровождающихся более или менее интенсивной реставрацией поверженных ранее символов, идей и методов управления. Но прежде чем отвечать на этот вопрос, необходимо описать, куда сдвинулась страна.

Довольно давно в экономической литературе обсуждается так называемая *московская модель экономики* (*muscovite economic model*)³⁰. Полагают, что она начала формироваться при Иване Грозном. Суть модели: централизованное (сверху вниз) распределение доступа к земельной ренте в обмен на службу, в основном военную, великому князю (позднее — царю) — главному держателю ренты. Примерно с середины «нулевых» годов начали появляться публикации, в которых в терминах *muscovite economic model* описывается экономическая модель, складывающаяся и функционирующая в путинской России³¹. Такое уподобление понятно. Ведь к середине «нулевых» в стране уже была создана правящая коалиция, видевшая свою главную задачу в контроле над

²⁹ См. Ротштейн 1959. Эта книга, написанная в ответ на двухтомник лорда Ирвина Кромера «Современный Египет» (1908 г.), известна также как «Анти-Кромер». См. также Cottmager 1968.

³⁰ Впервые этот термин был использован в Kotilaine 2004.

³¹ См., напр. Rosefield 2005.

углеводородной рентой и сформировавшая неформальные институты допуска к ренте и ее распределения, которые легендировались общей идеей «вертикали власти». Не случайно в конце «нулевых» годов Норт, Уоллис и Вайнгаст причислили Россию к государствам с социальным порядком ограниченного доступа — наряду, как уже говорилось, с Англией времен Тюдоров³².

³² Напомним, что Иван IV был современником Елизаветы Тюдор (и даже сватался к ней).

В упомянутой выше книге Норт, Уоллис и Вайнгаст вкратце описывают переход от порядков ограниченного доступа к порядкам доступа открытого. Это естественное направление эволюционного институционального дрейфа. Но формирование в России порядка ограниченного доступа с явными чертами режима, отстоящего от нашего времени на полтысячи лет, — это движение в противоположную сторону. Это процесс институциональной, общественной и культурной деградации. Такой поворот событий не так уникален, как может показаться. Европа столкнулась с ним, например, при распаде Западной Римской империи. В меньших масштабах процессы деградации переживали многие страны не только европейской культуры. Данные процессы характеризуются двумя ключевыми признаками. Первый признак: упрощение институциональной организации. Именно это происходило с конституционными институтами России с самого начала «нулевых» годов: без изменения формальных конституционных норм уничтожались федерализм, разделение властей, местное самоуправление и прочие формы автономной сложности. Второй признак: современные системы отношений вытесняются более архаичными. Многие социальные мыслители связывают формирование современного государства и, соответственно, современных институтов с переходом к безличным отношениям, вытесняющим отношения личные, каковыми были, в частности, феодальные отношения (оммаж и т.п.). В России с начала «нулевых» годов шел обратный процесс: возвращение личных отношений, идущих на смену постепенно складывавшимся в 1990-е годы безличным отношениям в сфере экономики и права³³. Подобный контрэволюционный тренд, претерпеваемый Россией, — это не только социальная и институциональная архаизация, но и актуализация проблемы политического физического насилия, свойственного «естественным государствам».

³³ Подробнее о процессе институциональной деградации см. Левин, Сатаров 2014.

Теперь есть возможность ответить на вопрос о степени обреченности России на тот исторический тренд, который привел страну в ее нынешнее состояние. К особенностям постреволюционного периода следует отнести то, что, в отличие от других стран, переживших революцию, переход к нему в 1994 г. не сопровождался в России сменой лидерства. Это имело ряд негативных эффектов: Борис Ельцин не воспринимался большей частью элит и общества как лидер нового периода, что затрудняло решение стоявших перед страной стратегических задач. Но был и эффект позитивный — смягчение неизбежных проявлений реванша, как это случилось, например, после успеха коммунистов на парламентских выборах 1995 г. Победа Ельцина на президентских выборах 1996 г. сбалансировала возможные последствия этой неудачи

реформаторов и создала условия для поражения коммунистов на следующих выборах.

Таким образом, Россия в начале нового столетия отнюдь *не была* обречена на описанный выше контрреволюционный тренд логикой развития происходивших в ней постреволюционных процессов. Но с конца 1999 г. страна неуклонно шла к нынешнему итогу, чему способствовали следующие обстоятельства:

- 1) особенности неконкурентной передачи власти от Ельцина Путину, породившие у последнего ощущение, что он сможет вечно оставаться у власти, в том числе за счет манипулирования процедурами «преемничества»;
- 2) профессиональная деформация сотрудников спецслужб, составивших ядро новой правящей коалиции, включая специфические представления о способах управления страной;
- 3) постреволюционная пассивность гражданского общества;
- 4) появление гигантской природной ренты, создававшее возможности для использования простых методов решения текущих проблем и вместе с тем позволявшее игнорировать интересы «креативного класса» и независимого бизнеса;
- 5) резкий рост коррупции, чему способствовало уничтожение политической конкуренции, властная монополия бюрократии и полная ее бесконтрольность;
- 6) постепенное накопление массива преступлений против Конституции и законов, что повышало для членов правящей коалиции риски ухода от власти. В подобной ситуации готовность высшего руководства к использованию политического насилия с постепенным переходом от символических форм насилия к насилию физическому неизбежно нарастала.

Осталось оценить обоснованность упомянутых в начале статьи опасений, зафиксированных социологами. Ясно, что нужно различать три составляющих применения физического насилия: желание прибегнуть к нему; готовность высшего политического руководства принять соответствующее решение и отдать приказ; готовность исполнителей выполнить приказ.

Мы считаем (разумеется, это экспертное суждение «включенных наблюдателей» — не более, но и не менее), что само желание власти перейти к крайним формам насилия выражено достаточно ясно и достаточно давно. Более или менее регулярно мы можем наблюдать его сублимированное выражение в мимике, жестах, шутках, речах высшего политического руководства и его представителей (от фразы пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова: «За раненого омовнца надо размазать печень митингующих по асфальту»³⁴ — до слов министра внутренних дел Владимира Колокольцева, заявившего, что у государства есть средства для противостояния «прививкам демократии по-американски», а именно — внутренние войска³⁵). Сложнее обстоит дело с готовностью высшего политического руководства принять решение

³⁴ *Это ставшее знаменитым высказывание предал гласности — как цитату из личной беседы с Песковым — депутат Государственной Думы Илья Пономарев (<http://ilya-ponomarev.livejournal.com/482999.html>).*

³⁵ <http://www.rbc.ru/politics/28/11/2014/54783443cbb20f1658f7538b>.

и отдать приказ. Она сдерживается как минимум двумя факторами. Первое — это нежелание перейти из списка самых влиятельных персон, составляемого журналом «Форбс», в список разыскиваемых международных преступников. Второе — неуверенность, что приказ «стрелять», а не просто «разгонять» будет выполнен. Ведь невыполнение подобного приказа означает, раньше или позже, «приговор» отдавшему его (причем с большей вероятностью, чем не исполнившему). Подобная неуверенность связана с ясным осознанием того, что, несмотря на круговую поруку, число тайно недовольных внешней и внутренней политикой России среди истеблишмента довольно велико. Такое тайное, не публичное недовольство крайне опасно для высшего руководства, поскольку не может быть до конца оценено и проконтролировано. Это усугубляется тем, что процесс «замены элиты причиной», начавшийся в 2014 г., так и не был завершен. Основная причина — страх сделать тайное недовольство явным. Как бы то ни было, подозрительность в отношении ближнего круга (и исполнителей вообще) является мощным сдерживающим фактором для применения насилия внутри страны.

Одновременно есть и «способствующие» факторы. В первую очередь это провал силовой политики на Украине. Он уже подтолкнул руководство страны к новым внешнеполитическим авантюрам. Они необходимы власти для демонстрации дееспособности. Но нельзя исключать, что аналогичные мотивы могут подталкивать и к расширению насилия внутри страны. Другой фактор — фатальная неспособность оппозиции консолидироваться, расширить свои ряды и мобилизовать общественную поддержку. И, наконец, возможные протесты и бунты, которые неизбежно воспоследуют в случае падения массовой поддержки власти по причине экономического кризиса или резкого спада эйфории по поводу наших «побед» и нашего «величия». Но здесь готовность отдать приказ может контрастировать с готовностью его исполнять. Ведь социализация тематики протеста и рост его масштаба, скорее всего, вызовут сочувствие и понимание у тех, кому придется на деле исполнять преступные приказы.

Мы должны учитывать также степень эффективности информационного насилия. Весьма вероятно, что, когда власть убедится в потере им своей действенности, она пойдет на замену его сегментированным физическим насилием. Внешним сигналом для правящих кругов, свидетельствующим о необходимости такого поворота, будет прежде всего отчетливый рост социального протеста, вызванного отрицательной финансово-экономической динамикой, и угрожающее падение популярности власти по данным традиционных источников социологической информации. Если расширение сегментированного физического насилия не даст результата (с точки зрения власти), оно с высокой степенью вероятности трансформируется в массовое физическое насилие.

Отчетливо заметны и симптомы того, что власть постепенно склоняется к использованию инструментов физического насилия.

Во-первых, ложь становится более грубой и неприкрытой — как видно по характеру телевизионной пропаганды, ее инициаторы перестают заботиться о мало-мальском правдоподобии. Во-вторых, начинается тестирование аудитории на терпимость (равнодушие) к применению отдельных методов ограниченного насилия посредством вброса в информационное пространство идей о высылке недовольных, о возврате смертной казни и т.п.

Но самый важный механизм, обеспечивающий поддержание инерции политического насилия, — это установленное выше взаимное усиливающее влияние таких факторов, как рентоориентированная стратегия правящей коалиции, коррупция, падение эффективности и растущая слабость власти, риск нарастания социального и политического недовольства. Этот маховик — большая и труднопреодолимая угроза.

Мы высказали свою точку зрения, не претендуя, конечно, на исчерпание темы. Напротив, мы считаем важным открытый профессиональный разговор на тему власти и насилия, полагая, что он может стать одним из способов публичного контроля над применением властью физического насилия.

Библиография

А камень просто открывался. 2006 // *Коммерсант.ru*. 30.01 (<http://www.kommersant.ru/doc/644690>).

Альтюссер Л. 2011. Идеология и идеологические аппарат государства // *Неприкосновенный запас*. № 3 (77).

Арендт Х. 2014. *О насилии*. — М.

Аузан А.А. и др. (сост.) 2010. *Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах. Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор», 2000—2009*. — М.

Бабаева С. 2014. «Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе»: Александр Аузан о новом социальном контракте // *Газета.ru*. 29.10 (http://www.gazeta.ru/comments/2014/10/29_a_6281141.shtml).

Бенетон Ф. 2002. *Введение в политическую науку*. — М.

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. — М.

Геллнер Э. 2004. *Условие свободы: Гражданское общество и его исторические соперники*. — М.

Гоббс Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2*. — М.

Гурвич Е.Т. 2015. *Как перейти от кризиса к росту, а не стагнации?* Доклад на ежегодной конференции АНЦЭА (октябрь 2015 г.).

Каспэ С.И. 2014. Определяя политическое зло // *Полития*. № 3 (74).

Левин М.И., Сатаров Г.А. 2014. Рентоориентированная Россия // *Вопросы экономики*. № 1.

- Ленин** В.И. 1970. О государстве // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 39. — М.
- Луман** Н. 2001. *Власть*. — М.
- Норт** Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М.
- Ротштейн** Ф.А. 1959. *Захват и закабаление Египта англичанами*. — М.
- Сатаров** Г.А. (ред.) 2013. *Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа*. — М.
- Скотт** Дж. 2005. *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. — М.
- Хоркхаймер** М., Адорно Т.В. 1997. *Диалектика просвещения*. — М., СПб.
- Commager** H. 1968. Can we Limit Presidential Power? // *The New Republic*. 6.04.
- Kotilaine** J.T. 2004. *A Muscovite Economic Model* (http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2004_817-05_Kotilaine.pdf).
- Levin** M.J., Satarov G.A. 2013. Russian Corruption // Alexeev M., Weber S. (eds.) *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. — Oxford.
- Rosefield** S. 2005. Illusion of Transition: Russia's Muscovite Future // *Eastern Economic Journal*. Vol. 31. № 2.

References

- A kamen'** prosto otkryvalsja // *Kommersant.ru*. 30.01 (<http://www.kommersant.ru/doc/644690>).
- Althusser** L. 2011. Ideologija i ideologicheskie apparat gosudarstva // *Neprikosnovennyj zapas*. № 3 (77).
- Arendt** H. 2014. *O nasilii*. — М.
- Auzan** A.A. i dr. (sost.) 2010. *Politicheskaja ehkonomija Rossii: dinamika obshhestvennogo dogovora v 2000-kh godakh. Izbrannye trudy Instituta nacional'nogo proekta «Obshhestvennyj dogovor», 2000—2009*. — М.
- Babaeva** S. 2014. «Gotovnost' k samoogranichenijam v obmen na prinadlezhnost' k velikoj derzhave»: Aleksandr Auzan o novom social'nom kontrakte // *Gazeta. ru*. 29.10 (http://www.gazeta.ru/comments/2014/10/29_a_6281141.shtml).
- Beneton** Ph. 2002. *Vvedenie v politicheskiju nauku*. — М.
- Commager** H. 1968. Can we Limit Presidential Power? // *The New Republic*. 6.04.
- Gellner** E. 2004. *Uslovie svobody: Grazhdanskoe obshhestvo i ego istoricheskie soperniki*. — М.
- Gurvich** E.T. 2015. *Kak perejti ot krizisa k rostu, a ne stagnacii?* Doklad na ezhegodnoj konferencii ANCEhA (oktjabr' 2015 g.).
- Hobbes** T. 1991. *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo* // Hobbes T. *Sochinenija: V 2 t.* Т. 2. — М.

- Horkheimer** M., Adorno T.V. 1997. *Dialektika prosveshhenija*. — M., SPb.
- Kaspe** S.I. 2014. Opredeľjaja politicheskoe zlo // *Politeia*. № 3 (74).
- Kotilaine** J.T. 2004. *A Muscovite Economic Model* (http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2004_817-05_Kotilaine.pdf).
- Lenin** V.I. 1970. O gosudarstve // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij*. T. 39. — M.
- Levin** M.I., Satarov G.A. 2014. Rentoorientirovannaja Rossija // *Voprosy ehkonomiki*. № 1.
- Levin** M.J., Satarov G.A. 2013. Russian Corruption // Alexeev M., Weber S. (eds.) *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. — Oxford.
- Luhmann** N. 2001. *Vlast'*. — M.
- North** D., Wallis J., Weingast B. 2011. *Nasilie i social'nye porjadki: Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva*. — M.
- Rosefield** S. 2005. Illusion of Transition: Russia's Muscovite Future // *Eastern Economic Journal*. Vol. 31. № 2.
- Rothstein** Th. 1959. *Zahvat b zakabalenie Egipta anglichanami*. — M.
- Satarov** G.A. (ed.) 2013. *Rossijskaja korrupcija: uroven', struktura, dinamika. Opyty sociologicheskogo analiza*. — M.
- Scott** J. 2005. *Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskojj zhizni*. — M.
- Weber** M. 1990. *Izbrannye proizvedenija*. — M.